

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ ПАВЛА
ФЕДОРОВИЧА ЛИМЕРОВА «НАРРАТИВЫ ХРИСТИАНИЗАЦИИ В
ФОРМИРОВАНИИ КОМИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (XIV – НАЧАЛО XX ВВ.)» (СЫКТЫВКАР,
2020), ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 10.01.02
«ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Диссертационное сочинение, представленное к защите Павлом Федоровичем Лимеровом, посвящено безусловно актуальной теме, важной для понимания не только истории конкретной литературы коми народа, но и для процесса становления младописьменных литератур в целом, очень часто возникающих именно под воздействием извне – как это происходило, как убедительно показал господин Лимеров, с коми словесностью. В описываемом случае таким внешним фактором оказалась христианизация коми народа, начавшаяся в XIV в. По мнению диссертанта, именно диалог христианства и язычества и обусловленный им диалог коми и русской культуры и языка способствовали зарождению первых коми литературных текстов.

Во введении к диссертации Павел Федорович описывает круг источников, к которым он обращается в своем сочинении: это «"Житие Стефана Пермского" Епифания Премудрого, литературные тексты Вычегодской Перми, фольклорные легенды и, наконец, художественные произведения И.А. Куратова и К.Ф. Жакова» (с 10). Кроме того – и это немаловажно, в конце работы исследователь пунктирно намечает перспективу развития нарратива христианизации в новейшей коми словесности, а именно произведения Г.А. Юшкова, В.В. Тимина, Ю.А. Екишева, А.Н. Расторгуева, С.В. Журавлева, О.И. Уляшева, усилиями которых «в период с начала 1990-х годов по настоящее время создана целая галерея произведений о христианизации народа коми различных жанров – от переложений епифаниевского сюжета для детей до романских эпосов» (с. 463). Как утверждает Лимеров, «эти произведения наследуют сюжет христианизации

Епифания Премудрого, вместе с тем, они предлагают новые оценки тех событий, новых героев» (там же).

Однако основное внимание диссертант уделяет собственно генезису коми письменной традиции, возводя ее к самым первым текстам на национальном языке, которыми он предлагает считать литургические и агиографические тексты, созданными Стефаном Пермским для народа коми; к сожалению, эти тексты не сохранились, но Лимеров обнаружил неоднократные упоминания о них в исторических и фольклорных источниках.

Сам факт существования таких текстов представляется вполне вероятным, создание таких необходимых для практического миссионерского служения произведений общеизвестно в мировой практике, тем более, что создание крестителем необходимой для этого святого дела «пермской азбуки» на основе греческого языка отмечалось уже Епифанием.

Поэтому вполне логично, что именно разносторонней деятельности Стефана Пермского посвящена добрая половина диссертации; значительную ее часть занимает также, соответственно, разыскания о Епифании Премудром и его «Житии». Эта часть работы солидно фундирована исследованиями в области русской агиографии и ее теории.

Вообще, хорошее знание материала, причем из самых разных областей знания, представляет одну из важнейших положительных сторон диссертации господина Лимерова. Об этом свидетельствует и основательный список литературы, заключающий сочинение.

Следующие две главы диссертации являются органичным продолжением первой, перенося нас в область коми фольклора. Они посвящены мифологическим сюжетам и образам дохристианских представлений народа коми и возникающим на фоне этого фольклорным нарративам о христианизации народа коми. синтез истории и легенды. Здесь, в полном соответствии с темой сочинения, в центре внимания оказываются легенды о Степане-крестителе, как называет Стефана народное сознание. Все это описано соискателем живо, образно, но в то же время – с опорой на

многочисленные источники, в том числе и собранные самым Лимеровым в фольклорных экспедициях по краю.

Надо сказать, знание местной специфики - культуры и языка коми – еще одна замечательная черта рецензируемого сочинения; к тому же диссертант в случае необходимости (а она возникает постоянно) обращается для доказательства своих исторических и этимологических наблюдения к материалу других финно-угорских культур.

Третья часть сочинения (его 4 глава) посвящена отражению темы христианизации коми в литературной традиции Нового времени, а именно произведениям Ивана Куратова и Каллистрата Жакова. Здесь главный акцент диссертант делает прежде всего на неоднозначность (с точки зрения ортодоксального православия) позиции коми литераторов в освещении образов оппонентов Стефана, обусловленную, в первую очередь, их несомненной симпатией к традициям собственной национальной культуры. В результате и куратовский Пама, и жаковский Пам Бурморт, несмотря на свое неприятие христианизации коми, выглядят героями положительными, носителями лучших черт национального характера и лучшими представителями национальной культуры, что постоянно подчеркивается обоими авторами.

Как справедливо пишет Лимеров, «для Жакова традиционное мировоззрение зырян представляет собой синкретизм христианства и язычества, хотя языческого в нем все-таки больше, нежели христианского. Но, несмотря на это, зыряне остаются православным народом, соблюдают православные обряды, строят церкви, и при этом, считает Жаков, на Зырянской земле есть отдаленные места, где язычество будто бы сохранилось в первозданном виде» (с. 442). То есть, первый признанный коми писатель, на произведения которого в свое время положительно отзывались русские символисты, демонстрировал в своем отношении к проблеме отношения зырянского народа к христианизации очень

современную для нас степень толерантности, позволившую в конечном счете с минимальными потерями выжить национальной культуре.

Говоря о Жакове, приходится, однако, выразить сожаление, что диссертант демонстративно игнорирует ряд появившихся в последние годы публикаций об этом замечательном авторе, в том числе и его ранее неизвестных сочинений, учет которых позволил бы существенно уточнить некоторые положения работы Лимерова. Приведу только один пример: на с. 429 диссертант утверждает, «что поэмой-эпосом 'Биармия' языческая тема в творчестве Жакова себя исчерпала, более он уже не возвращался к ней <...>'. Поэмой «Биармия» завершили и фольклористические разыскания Жакова, в дальнейшей своей научной биографии он обращался к исследованиям в области философии, религиоведения, методологии наук и т.п.».

Между тем в коллективной монографии «К.Ф. Жаков: грани творчества» (Сыктывкар, 2018) опубликован ряд материалов, позволяющих говорить о том, что это не совсем так. Позволю назвать только осуществленную мной публикацию поздних «сказок» писателя, хранящихся в историческом архиве Латвии в Риге. Конечно, они не выдержаны в этнографическом ключе, это вполне авторские произведения (так же, кстати, как «профессорские» сказки Жакова, опубликованные им в таллинских газетах 1920 г.), но ведь и по поводу жаковской поэмы «Биармия» Лимеров справедливо писал, что «ни сюжет поэмы, ни образы героев – не имеют аналогов в коми фольклоре, они придуманы Жаковым, но они также и не противоречат фольклору, поскольку придуманы с учетом принципов фольклорной поэтики» (с. 427). Упомянутые поздние сказки тоже «придуманы» писателем, но сделано это тоже с несомненным учетом фольклорной поэтики.

Характерные примеры этого – сказки Жакова, написанные в 1921 г.: «Красный замок», «Темная ночь», «После зимнего солнцеворота», «Мальчик Григорий»; приведем фрагмент из последней:

«Жил на свете мальчик Григорий у великой, синей реки. Раз сказал он себе: «Пойду я на край леса, и оттуда поднимусь я на небо с высоких деревьев».

Сказано-сделано.

Пошел Григорий и взлез с края неба к темени его. Он увидел золотые поля утренней зари, и увидел — первенца природы — звезду утреннюю. И дальше он шел, и видит диво — солнце взошло на небо и погналось за белым месяцем. Быстро двигался месяц, муж небесный, но еще быстрее бежала ревнивая супруга его дева-солнце; она догнала муженька своего, и сказала:

«Не гляди на красавиц земли, я не хуже земных женщин походкой и станом». И тут солнце-дева прикусила ухо Луке-Лукьяну. Тут-то небесный муженек и ко ущербу пошел.

Дивился мальчик Григорий, и дальше пошел. Он увидел пастушка-огня с бичом в руках. Пастушок, огонек небесный, как солнце-дева, гнал быка-радугу на водопой. Пастушок спустил быка разноцветного по синим тучам к озерам и рекам, и высунув длинную шею из облаков долго пил воду из озер и рек.

Изумился мальчик Григорий и дальше пошел по голубым полям крыши неба

Звезд много увидел он — то цветы небесные, цветы нетленные.

Напоследок Бога увидел он, мальчик Григорий. Великий Ен (Бог) сидел на темени неба, дальше вершины высших гор, и читал золотую книгу. Там было написано и прошлое, и настоящее, и будущее неба и земли. Ен читал, и исполнял законы книги.

Он действует по-писаному, а знает все по-ученому» [ЛГИА, ф. 1826, оп. 1, Е.х. 721. Л. 37].

Невозможно представить, что этот текст, явственно перекликающийся с главной философской книгой Жакова - «Лимитизмом», не имеет под собой этнографического и фольклорного основания.

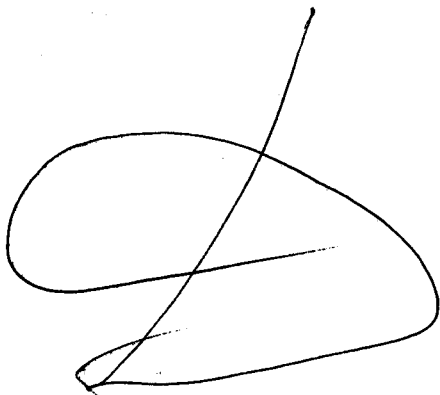
Кстати, возвращаясь к главному результату фольклорных разысканий Жакова - «Биармии»: на с. 147 диссертант утверждает, что эта эпическая поэма «написана калевальской метрикой». Это брошенное вскользь замечание требует как минимум серьезного уточнения. Дело в том, что канонический текст составленной Лённротом «Калевалы» специалисты определяют как 4-тактный (то есть, тонический) размер, «характерный и для коми языка в силу его фонетических особенностей, и для произведений устного народного творчества коми», как справедливо утверждает Е.В. Ельцова в статье «Финская поэзия и “Калевала” в творчестве коми поэта В.Т. Чисталёва». «Биармия» же, так же как знаменитый русский перевод карельского эпоса Л. Бельского (и явно вслед ему) написана силлаботоническим четырехстопным хореем. Им же написан еще один несомненный в ритмическом смысле текст – пользовавшаяся на рубеже веков огромной популярностью поэма Лонгфелло в переводе И.А. Бунина (1896-1903, полная публикация СПб., 1903). Так что метрику «Биармии» вряд ли можно так однозначно именовать «калевальской» - по крайней мере, без уточнения, что имеется в виду не оригинальная финская, а русская Калевала Бельского.

И еще одно сожаление: в диссертации неоднократно упоминается имя и труды Георгия Степановича Лыткина — известного историка, этнографа и лингвиста, что вполне обоснованно и справедливо. Однако одна его работа, упомянутая в списке литературы, на мой непросвещенный взгляд, должна была бы занять место и в основной цепи анализируемых в диссертации текстов – я имею в виду изданный в 1882 г. его перевод на коми язык «Евангелия от Матфея». Тем более, что диссертант много пишет о работах Лыткина в связи со Стефаном Пермским, богословские переводы которого он справедливо ставит в основание оригинальной коми словесности. Конечно в строгом смысле перевод Писания не относится к «нарративам христианизации», но имея в виду непрерывную традицию ее исходных текстов, все-таки имеет право на рассмотрение в ее рамках.

Однако все это – пожелания, не более. Хотя и не менее. Пора переходить к выводам.

Главный из них состоит в том, что диссертация Павла Федоровича Лимерова «Нарративы христианизации в формировании коми литературной традиции в контексте русской словесности (XIV – начало XX вв.)» (Сыктывкар, 2020), представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации», в полной мере обладает необходимой для сочинений этого рода степенью актуальности и новизны, ее содержание можно квалифицировать как научное достижение. Поэтому работа соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор Павел Федорович Лимеров в полной мере заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.02 «Литература народов Российской Федерации»,

Автореферат и имеющиеся публикации по теме работы соответствуют содержанию диссертации.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник учебно-научного центра мандельштамоведения Института филологии и истории ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».

Юрий Борисович Орлицкий

Москва, Самаркандский б-р, кв-л 137а, корпус 4, кв. 104. Тел. 8-495-706-987, 8-495-9734202 Электронная почта: ju_b_orlitski@mail.ru

Первый проректор
проректор по научной работе

